

К. П. Патканов

**Исследование о диалектах
армянского языка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
К11

К11 **К. П. Патканов**
Исследование о диалектах армянского языка / К. П. Патканов – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 113 с.

ISBN 978-5-458-00407-7

ISBN 978-5-458-00407-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ОБЪ АРМЯНСКИХЪ ДІАЛЕКТАХЪ.

Настоящій трудъ нашъ, въ нѣкоторой степени, служитъ дополненіемъ къ сочиненію, изданному нами въ 1864 г. подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе о составѣ Армянскаго языка». Въ этомъ сочиненіи мы говорили о важности изученія армянскихъ діалектовъ для полнаго объясненія многихъ непонятныхъ явленій въ составѣ, такъ называемаго, *древняго армянскаго языка*. Собственно древняго армянскаго языка не существуетъ, т. е. такого древняго, который относился бы къ новымъ армянскимъ нарѣчіямъ, какъ Зендъ и языкъ персидскихъ клинообразныхъ надписей къ новоперсидскому, или какъ Санскритъ къ новондустанскимъ нарѣчіямъ. То что мы называемъ *древнимъ армянскимъ языкомъ*, есть одно армянское нарѣчіе, вошедшее около III столѣтія по Р. Х. въ употребленіе при дворѣ, въ администраціи, судахъ, и по изобрѣтеніи Св. Месропомъ буквъ армянскихъ, сдѣлавшееся литературнымъ¹⁾. Въ настоящее время мы не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить — въ какой провинціи древней Арменіи жило племя, говорившее первоначально на этомъ діалектѣ, и какъ образовался этотъ, частью условный,

¹⁾ Для краткости назовемъ этотъ древній письменный языкъ *Гайганскимъ*, въ отличіе отъ двухъ литературныхъ армянскихъ нарѣчій новаго времени.

литературный языкъ. Рѣшенію этаго вопроса должно предшествовать полное и всестороннее изученіе всѣхъ разнообразныхъ нарѣчій армянскаго языка, сохранившихся до нашего времени.

До сихъ поръ мало обращали вниманія на составъ и строеніе діалектовъ новаго армянскаго языка, между тѣмъ какъ гайканскій былъ предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій. Гайканскій языкъ стоитъ на одинакой степени развитія съ пехлевійскимъ, съ языкомъ временъ Сасанидовъ, съ осетинскимъ и съ другими, средними по времени, иранскимъ нарѣчіями. Новоармянскіе діалекты, во многихъ случаяхъ стоятъ на одной ступени съ древне-литературнымъ. Въ нихъ сохранились почти тѣже грамматическія флексіи, какъ и въ средне-иранскихъ. Кромѣ того мы замѣчаемъ въ нихъ возникновеніе новыхъ формъ, флексій, первоначальные представители которыхъ давно вышли изъ употребленія въ гайканскомъ. Съ нѣкоторыми исключеніями всѣ формы гайканскаго языка сохранились въ разныхъ діалектахъ существующаго нынѣ армянскаго языка, и многія неправильности и непонятныя формы перваго объяснимы только подъ условіемъ полного и глубокаго изученія послѣднихъ.

О важности изслѣдованія новыхъ діалектовъ для полного изученія гайканскаго языка мы слегка коснулись въ выше-приведенной нашей диссертациі. Не считаемъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ же предметѣ. Извѣстно, что племенная жизнь предшествуетъ сознательно національной, и что діалекты суть, виды извѣстнаго языка. Какъ нѣтъ націи безъ племени, такъ и нельзя себѣ представить языка безъ діалектовъ. Нѣтъ народа, который, на всемъ пространствѣ обитаемой имъ почвы, говоритъ бы однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ. Эта истина извѣстна всякому. Съ ходомъ цивилизаціи у каждаго народа одно изъ нарѣчій приобрь-

таетъ мало по малу случайный перевѣсъ надъ другими, и дѣлается, такъ сказать, языкомъ официальнымъ, а съ введеніемъ письменности, *литературнымъ*. Такъ какъ этотъ литературный языкъ дѣлается, нѣкоторымъ образомъ, органомъ сношенія между собою разныхъ племенъ одного народа, то онъ по необходимости подвергается ихъ вліянію, и принимаетъ въ себя разнообразныя элементы всѣхъ нарѣчій, для выраженія нравственныхъ стремленій и матеріальныхъ потребностей цѣлаго народа. Изъ сказаннаго ясно истекаетъ необходимость изученія разнообразныхъ діалектовъ для точнаго изслѣдованія всякаго литературнаго языка.

Слова *языкъ*, *нарѣчіе* — понятія отвлеченныя. Въ практической жизни народовъ существуютъ *діалекты*, *юзоры* (Mundart). Общій для всей націи языкъ создается позже, въ періодъ сознательнаго развитія племенъ; это языкъ литературный — достояніе нѣсколькихъ племенъ одного народа. Чѣмъ большее число племенъ признаютъ этотъ языкъ, тѣмъ чувство національности болѣе распространяется въ народѣ. Безъ этого общаго всѣмъ племенамъ официального-письменнаго языка, даже близкія племена извѣстнаго народа не скоро доходятъ до сознанія своего кровнаго родства съ другими племенами одного происхожденія. Въ періодъ отсутствія литературнаго языка племена не называютъ себя общимиъ именемъ народа, а каждое изъ нихъ замѣняетъ это родовое названіе своимъ племеннымъ, и относится къ своимъ братьямъ по національности, какъ къ совершенно чужимъ, т. е. враждебно. Исторія древной и новой Европы представляетъ не мало примѣровъ въ подтвержденіе этой мысли. Германія своимъ единствомъ не мало обязана литературному языку, пробудившему въ сознаніи массъ чувства одной національности.

Нынѣшніе армянскіе діалекты суть потомки древнѣйшихъ

діалектовъ, существовавшихъ въ доисторическія времена. Они стоятъ на болѣе или менѣе одинаковой между собою степени развитія, какъ это слово понимается въ наукѣ языкознанія. Новые языки собственно старѣе древнихъ: они дольше жили, и, какъ въ мірѣ органическомъ, съ наступленіемъ старости утратили всѣ признаки молодости. Это разложеніе дѣлается тѣмъ рѣзче, чѣмъ позже захватываетъ письменность какой нибудь языкъ, и чѣмъ дѣльше этотъ языкъ былъ во власти массы, невладевшей искусствомъ писать. Здѣсь рѣчь идетъ о народахъ, исторически жившихъ въ отдаленныя времена. Народы, поздно выступившіе на историческую почву (Славяне, Литва), дольше сохранили въ словахъ полноту, а въ грамматикѣ первобытныя формы. Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какое вліяніе имѣютъ другія историческія случайности на разложеніе языковъ.

У каждаго народа была эпоха, въ которую онъ употреблялъ слова и флексіи съ большимъ сознаниемъ ихъ внутренняго состава и значенія, а не смысла только. Если письменность застааетъ языкъ именно въ эту или въ ближайшую къ ней эпоху, то языкъ, благодаря этой случайности, сохраняетъ полноту своихъ грамматическихъ формъ, роды, ударенія, членораздѣльность словъ и т. д.; языки же, получившіе письменность въ своей старости, уже утратили живое чутье для пониманія своихъ флексій, словъ, которыя вслѣдствіе потери органической жизни своихъ составныхъ частей, разлагаются, стираются и приходятъ въ окаменѣлость; слова и формы, лишены жизненности, сохраняютъ только смыслъ понятія, дѣлаются символами ихъ, и въ тоже время въ сознаніи народа теряютъ свое составное значеніе. Вслѣдствіе подобнаго состоянія потеря слоговъ въ началѣ или въ концѣ словъ дѣлается для смысла ихъ нечувствительнымъ. Въ такихъ случаяхъ необходимо нѣкоторый родъ химическаго анализа для того,

чтобъ открыть въ нихъ остатки прежнихъ составныхъ частей. Эти отношенія не въ равной степени существуютъ въ разныхъ языкахъ, и болѣе рѣзко выказываются въ тѣхъ изъ нихъ, которые, послѣ многотысячлѣтняго историческаго существованія, только въ позднѣйшее время сдѣлались псьменными.

Существовавшее долгое время, и нынѣ частью существующее, мнѣніе о томъ, что разнообразныя діалекты и говоры армянскаго языка нашего времени суть только видоизмѣненія одного древняго, общаго для всей армянской націи языка, въ настоящее время не выдерживаетъ критики. За три или болѣе тысячи лѣтъ до Р. Х. армянскія племена стали переселяться въ араратскія страны, и вытѣснили изъ нихъ мало по малу первобытныхъ жителей (аборигеновъ?) неизвѣстной расы и частью Семитовъ (см. *Renan*—*Histoire des langues sémitiques*), заняли громадное пространство между морями Средиземнымъ, Чернымъ и Каспійскимъ. Западныя племена въ историческія уже времена доходили въ Малой Азіи до рѣки Галиса. Извѣстное мнѣніе древнихъ о происхожденіи Армянъ отъ Фригійцевъ (вѣроятно малочисленные Фригійцы были однимъ изъ армянскихъ племенъ), которое хотя не совсѣмъ подтвердилось филологическими наблюденіями послѣдняго времени, но и не опровергнуто ими, даетъ поводъ предполагать о родствѣ и другихъ малоазійскихъ и оракійскихъ племенъ съ армянскими. Впрочемъ извѣстія древнихъ о жизни и народѣ армянскомъ чрезвычайно скудны и сбивчивы и, безъ другихъ болѣе убѣдительныхъ фактовъ, не могутъ служить базисомъ для какихъ бы то ни было выводовъ. Клинообразныя надписи, встрѣчающіяся во многихъ мѣстахъ Арменіи, еще не разобраны, и врядъ ли скоро будутъ объяснены. Если въ этихъ надписяхъ заключается дѣйствительно армянскій языкъ, какъ предполагаютъ

многіе, то, въ случаѣ ихъ чтенія, мы получимъ единственный образецъ вполне древней армянской рѣчи.

Сами армяне относительно древности своего языка и этническаго состава націи не сохранили никакихъ свѣдѣній. Если встрѣчаются у нихъ кое-какія извѣстія объ этомъ предметѣ, то они относятся къ позднѣйшему времени (къ IV и V ст. по Р. Х.), къ эпохѣ установившагося литературнаго языка, дошедшаго до нашего времени. Но и въ эту относительно древнюю эпоху мы уже встрѣчаемъ у армянскихъ авторовъ съ одной стороны намеки на существованіе разныхъ нарѣчій (см. Корьюнъ), съ другой — обороты, формы и употребленіе словъ, свидѣтельствующія о томъ, что не смотря на желаніе и стараніе авторовъ золотого (V) вѣка сохранить изящную чистоту и неприкосновенность условнаго литературнаго языка, эти обороты и формы противъ ихъ воли врывались въ ихъ рѣчи. Этому то обстоятельству мы обязаны фактическомъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что съ самаго древняго времени, независимо отъ дошедшаго до насъ литературнаго языка, въ народныхъ устахъ господствовалъ другой говоръ, другая постановка рѣчи. При внимательномъ изученіи гайканскаго языка, съ одной стороны (у Дав. и въ Грам. Діонис.) мы встрѣчаемъ архаическія формы, уже не употребительныя въ литературномъ языкѣ V вѣка (предлогъ *և*. женскій родъ указ. мѣстоим. род. съ *ը* двойственное число и пр.); съ другой — въ литературной чистой рѣчи попадаются обороты и фразы, тождественныя съ оборотами говоромъ нашего времени (Фаустъ, Іаковъ Згонъ и частью Парпеци IV—V вѣк.). Самый древній примѣръ, свидѣтельствующій о совмѣстномъ существованіи народнаго языка съ литературнымъ, встрѣчается у Хоренскаго въ отрывкѣ пѣсни объ Арташесѣ, и заключается въ фразѣ: *չառ զաւեցոյց զմէջք փափուկ օրիրդի*, гдѣ употребленіе

շանъ въ смыслѣ *очень* (въ гайканскомъ *չարի, յոյժ*) и гдѣ въ словѣ *ազգ, ք* множ. числа не обратилось въ *ս*, какъ сдѣлавало ожидать, а сохранилось въ томъ видѣ, какъ слово это употребляется и нынѣ въ народной рѣчи. Довольно подробное подтвержденіе того, что у первыхъ армянскихъ авторовъ V—VII вѣковъ встрѣчаются остатки народной рѣчи тѣхъ временъ, любознательный читатель можетъ найти въ добросовѣстномъ трудѣ О. Айдыньяна, въ его Критической Грамматикѣ армянскаго языка настоящаго времени; см. ниже.

Въ языкѣ надписей уже съ VIII ст. чаще и чаще начинаютъ попадаться формы и обороты новаго армянскаго языка, съ употребленіемъ словъ въ позднѣйшемъ ихъ значеніи. Вообще языкъ надписей, до самаго конца прошлаго столѣтія, представляетъ смѣсь древнелитературныхъ формъ съ народными. Но литература въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. историческія и богословскія сочиненія, до воцаренія династіи Багратидовъ, съ особеннымъ стараніемъ избѣгаетъ употребленія новыхъ формъ и словъ, и держится строго правилъ того условнаго письменнаго языка, который въ IV—V вѣкахъ лучшими армянскими писателями былъ доведенъ до совершенства; того языка, на который сдѣланы образцовые переводы Библіи и всѣхъ лучшихъ сочиненій древней и христіанской Греціи.

Со временъ царствованія Багратидовъ это дѣло нѣсколько измѣнилось. Хотя языкъ оффиціальныи, литературныи, остался тотъ же, но полное и отчетливое его знаніе сдѣлалось рѣже. Для народа и въ XI вѣкѣ гайканскій языкъ былъ такимъ же особеннымъ и не совсѣмъ понятнымъ, какъ и въ наше время. Отъ того мы видимъ, что въ сочиненіяхъ авторовъ послѣ XI вѣка все чаще и чаще встрѣчаются формы, обороты и слова новаго армянскаго языка. Въ XII вѣкѣ

Нересь Благодатный написал нѣсколько загадокъ на народномъ нарѣчїи. Мхитаръ Гераци (врачь XII в.) оставилъ цѣлый трактатъ о лѣченіи лихорадки, на мѣстномъ нарѣчїи. Въ исторїи Вардана (XIII в.) есть цѣлыя страницы, писанныя на народномъ языкѣ.

Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нашему времени влияние народной рѣчи становится все болѣе и болѣе ощутительнымъ въ писанїяхъ авторовъ. Въ эпоху Рубенидовъ (XI—XIV в.) въ Киликіи образовался новыи канцелярскїи языкъ, въ которомъ основа, уже народная, заключаетъ кое-гдѣ формы и обороты гайканскаго. Этимъ же языкомъ писалъ свою Хронику Смбагъ.

Между тѣмъ съ 12-го вѣка политическія обстоятельства побудили Армянъ выселяться изъ своей злосчастной родины на чужбину. Вторженїя Сельджукидовъ и вскорѣ послѣ того Монголовъ лишили Арменїю большей части ея первобытныхъ жителей. Горы Киликіи, Малая Азія, Константинополь, Оракія, Трансильванїя, Венгрія, Польша мало по малу населились армянскими обществами, остатки которыхъ живутъ въ этихъ мѣстностяхъ и до нашего времени. Большая часть поселившихся въ Западной Европѣ въ концѣ прошлаго столѣтїя смѣшалась съ туземцами. Небольшое число Армянъ (въ Венгріи, Трансильванїи и Молдавіи) до настоящаго времени сохранили свою вѣру и отчасти свой языкъ. Только въ Польшѣ многочисленныя колонїи Армянъ, процвѣтавшїя долгое время вслѣдствїе дарованныхъ имъ правъ и преимуществъ, въ концѣ XVII и въ началѣ прошлаго столѣтїя, послѣ 100 лѣтней борьбы противъ правительства и духовенства, принуждены были уступать силѣ и принять католичество. Католическїи армянскїи архїепископъ и до сихъ поръ возсѣдаетъ въ Львовѣ. Другїе Армяне пошли на Сѣверъ, основались въ Сараѣ, въ Астрахани,

Казани, Болгарахъ, и, во время удѣльныхъ смуть, по нынѣшней южной Россіи, перебрались въ Крымъ, гдѣ число ихъ въ скоромъ времени дошло до 300,000. Завоеваніе Крыма Османскими Турками побудило многихъ изъ нихъ выселиться въ Польшу, гдѣ они подкрѣпили собою ослабѣвшія колоніи прежнихъ поселенцевъ. Въ эпоху завоеванія Крыма Русскими, Армянь числилось на полуостровѣ до 70,000. Нынѣ ихъ находится тамъ не болѣе 5000. Большая часть была переселена на Донъ, гдѣ основала городъ Нахичевань.

Въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ этихъ поселенцевъ мы встрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ тѣ же нарѣчія, которыя въ настоящее время въ употребленіи у Армянь, оставшихся на родинѣ; изъ чего можно видѣть, что съ XII вѣка до нашего времени языкъ народный весьма мало измѣнился, и что нынѣшнія народныя нарѣчія существуютъ гораздо долѣе, чѣмъ то обыкновенно полагають.

Еще въ XIV столѣтіи извѣстный армянскій писатель Іоаннъ Ерзенкаци (одинъ экземпляръ рукописной грамматики Ерзенкаци находится въ библиотекѣ С.-Петербургскаго университета), въ своихъ комментаріяхъ на Грамматику Діонисія Фракійскаго приводитъ названія 8 нарѣчій армянскаго языка, существовавшихъ въ его время въ разныхъ областяхъ Арменіи:

1 Корчайкъ	2 Тайкъ	3 Хутайкъ	4 Сперъ
5 IV Арменіи	6 Сюникъ	7 Арцахское	8 Араратское и Востаникъ.

Далѣе онъ говоритъ, что для литературнаго образованія достаточно знаніе одного послѣдняго. Изъ этого ясно видно, что нынѣшнія армянскія нарѣчія не суть разнообразныя искаженія древняго литературнаго, а только преемники существовавшихъ издревле отдѣльныхъ нарѣчій различныхъ ар-

мянскихъ племень. Изъ всего сказаннаго нами выходитъ, что современные народныя нарѣчія Армянъ существовали почти въ такомъ же видѣ и до V вѣка, когда первые переводчики христіанской Арменіи изъ придворнаго языка образовали тотъ условно-литературный языкъ, который для Армянъ до начала настоящаго столѣтія былъ тѣмъ же, чѣмъ латинскій для Европы Среднихъ вѣковъ т. е. единственно допускаемымъ въ Литературѣ и въ Богослуженіи. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что языкъ Хоренскаго, Давида и др. для ихъ современниковъ не былъ разговорнымъ, и что пониманію и употребленію его предшествовала, и въ то время, болѣе или менѣе долговременная подготовка въ школахъ. Впрочемъ и сами Армяне, назвавъ его *գրայրաբան*, письменный, въ различіе отъ народнаго *առարկայրաբան*, указываютъ этимъ на его отношенія къ живымъ говорамъ. Если онъ когда нибудь и былъ разговорнымъ, то судя по формамъ и относительной полнотѣ словъ, никакъ не позже парянской династіи въ Арменіи, слѣд. за 150 лѣтъ до Р. X.

Мы говорили, и теперь утверждаемъ, что разнообразныя нарѣчія и говоры армянскаго языка никогда не были предметомъ серьезнаго изученія и критическаго анализа. Этимъ мы впрочемъ не думаемъ утверждать того, что ни одно изъ этихъ нарѣчій не обращало до сихъ поръ на себя никакого вниманія. Напротивъ, въ настоящее время существуютъ два литературныхъ нарѣчія новоармянскаго языка. Одно изъ нихъ можетъ назваться представителемъ западной группы діалектовъ, и съ начала настоящаго столѣтія введено въ употребленіе въ Турціи, какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ образовательныхъ сочиненіяхъ, писанныхъ для народа. Другое письменное нарѣчіе вошло въ употребленія у русскихъ Армянъ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка и